

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2025

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 5 (139) Том 15 - Власть в Древней Руси и средневековом мире | Лояльность в Средние века и раннее Новое время. 2024

«Бъяху съдяще в Киевъ мужи»: новая реконструкция династического конфликта между Ярославом и Мстиславом Владимировичами

Лукин Павел Владимирович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, Москва

Виноградов Андрей Юрьевич

Институт востоковедения РАН
Российская Федерация, Москва

Аннотация

В статье анализируется последний эпизод междуусобной войны сыновей киевского князя Владимира Святославича — противостояние в 1024—1026 гг. между Ярославом («Мудрым») и Мстиславом Тмутараканским. Он неоднократно становился объектом внимания исследователей, однако многие вопросы остаются спорными и непроясненными. Главной проблемой является неясность рассказа об этих событиях главного источника — «Повести временных лет». В соответствии с ним, вопреки своей победе в Лиственской битве в 1024 г. Мстислав якобы уступил Киев Ярославу, но тот не решался приехать туда и управлял Киевом через своих «мужей» (дружинников). На основе изучения самых разных источников (скандинавской саги, написанной на латыни польской хроники Яна Длугоша, древнерусских княжеских печатей) авторы приходят к следующим выводам. Киевским князем в 1024—1026 гг., скорее всего, был Мстислав Владимирович, а не Ярослав. В пользу этого говорит, в частности, принятие Мстиславом титула μέγας ἄρχων Ρωσίας, который был усвоен впоследствии Ярославом, но который затем выходит из употребления. Тенденция русской летописи определялась, вероятно, стремлением смягчить конфликтный характер отношений между двумя положительными героями повествования после внезапного появления Мстислава в

Южной Руси. В результате в летописи возникли логические нестыковки и фигуры умолчания, связанные не столько с позднейшим редактированием, сколько с изначальной противоречивой риторической стратегией составителя летописного рассказа. Кроме того, новые экземпляры печатей Мстислава подтверждают, что его небесным патроном был св. Константин Великий.

Ключевые слова: Древняя Русь, Ярослав Мудрый, Мстислав Тмутараканский, княжеские печати, «Повесть временных лет»

Дата публикации: 15.07.2024

Источник финансирования:

Часть статьи, написанная А. Ю. Виноградовым, выполнена в рамках государственного задания Института востоковедения РАН. Часть статьи, написанная П. В. Лукиным, подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-326).

Ссылка для цитирования:

Виноградов А. Ю., Лукин П. В. «Бѣяху сѣдѧще въ Кыевѣ мужи»: новая реконструкция династического конфликта между Ярославом и Мстиславом Владимировичами // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031707-6-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031707-6

¹ Последний эпизод междуусобной войны сыновей Владимира Святославича — противостояние между Ярославом Владимировичем (Мудрым) и Мстиславом Владимировичем, неоднократно становился объектом внимания исследователей. Здесь нет смысла подробно характеризовать посвященную этим событиям огромную литературу, тем более что относительно недавно она была разобрана в специальной монографии¹. Ниже будут рассмотрены лишь некоторые спорные или малоизученные аспекты этих событий.

² В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) в рассказе о последней фазе междуусобицы сыновей Владимира Святого есть известие, которому, как представляется, не уделялось до сих пор достаточного внимания. После решительной победы Мстислава над Ярославом в 1024 г. в Лиственской битве происходит следующее: «И пославъ Мъстиславъ по Ярославѣ, глаголя: “Сяди въ своемъ [на столѣ своемъ] Кыевѣ, ты еси старѣшии [старѣи] братъ, а мнѣ буди си сторона”. И не см[е]яше Ярославъ ити въ Кыевѣ, дондеже смиристася. И сѣдѧще Мъстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху [сѣдѧще въ] Кыевѣ мужи Ярославли»². Через два года, в 1026 г., Ярослав «съвокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братом своимъ Мъстиславомъ у Городца»³, результатом чего стал раздел Русской земли по Днепру между Ярославом и Мстиславом и окончательное примирение братьев. Их «дуумвират» оставался в силе до смерти последнего в 1036 г. (по Ипатьевской летописи, — в 1034 г.)⁴. (когда Ярослав оказался единоличным правителем Руси), на что указывает совместный поход братьев на Польшу ради возвращения Червенских городов в 1031 г.⁵ Однако

неясно, каков был иерархический статус братьев в этом «дуумвирате»: согласно летописи, с одной стороны, Мстислав признал старшинство Ярослава, который правил столицей Рюриковичей — Киевом («Сяди в своеем Кыевѣ, ты еси старѣши братъ»), а с другой, именно Мстислав вышел победителем из войны с Ярославом, так что тот еще два года после предложенного братом раздела Руси не решался вернуться в Киев. «Неуверенность» Ярослава подтверждает и тот факт, что он сохранил за собой «базовое» княжество — Новгород, где посадил своего сына Владимира только после смерти Мстислава.

³ Итак, ситуация выглядит достаточно странно: Мстислав одерживает полную победу, но затем, вспомнив вдруг, что Ярослав — его старший брат и имеет в связи с этим права на столиный Киев, оставляет ему последний и уходит в Чернигов. Непонятно, почему Мстислав, собирающийся захватить Киев, одержав победу над своим противником, решил уступить ему город, а с ним — и верховную власть на Руси. Можно, конечно, допустить, что это связано с каким-то неожиданным духовно-нравственным переворотом, заставившим его признать старшинство Ярослава и осознать легитимный характер его власти. Но почему тогда тот в течение двух лет страшился вернуться в Киев? Кого же боялся Ярослав? По логике повествования получается, что Мстислава. Однако, чем тогда в этом смысле отличалось положение в Киеве «мужей» Ярослава, и почему им не нужно было бояться Мстислава? Тот готов был смириться с тем, что Ярослав правит в Киеве через своих наместников, а не лично там присутствуя? Но как это сочетается со словами Мстислава о признании старшинства Ярослава? Почему примирение братьев произошло только через два года после предложения Мстислава о мире, крайне выгодного для Ярослава, который, потерпев поражение, получал бы без войны большие территории и верховную власть? И зачем Ярослав собрал большое войско для похода на Киев, если там сидели его «мужи»?

⁴ Ситуацию могло бы несколько прояснить обращение к предшествующему контексту конфликта. Мстислав не хотел править в Киеве, потому что в 1024 г., еще до Лиственской битвы, «не прияша его кыянѣ», однако нуждался в легитимации своего княжения в захваченном им Чернигове, отчего стал настаивать на ней в тот момент, когда Ярослав не имел сил для сопротивления. В свою очередь, Ярослав желал вернуть себе южнорусские владения, но после поражения не имел для этого военных ресурсов, на восполнение которых ушло два года. Однако и такое объяснение не снимает части прежних вопросов и даже порождает новые. Отчего Мстислав сразу после полного разгрома Ярослава ищет легитимации своей власти у брата, на которого до этого дважды нападал? Почему, если он не хотел сам княжить в Киеве, не послал туда, подобно Ярославу, своих «мужей», которым в этот момент никто не мог бы сопротивляться? Зачем Мстиславу нужно было, чтобы его брат-соперник правил не в далеком Новгороде, а в соседнем Киеве? Почему Ярослав, собрав через два года большое войско, вдруг решился на мир с Мстиславом?

⁵ Убедительных ответов на эти вопросы нет, и складывается впечатление, что в летописи представлена неполная или / и неточная картина происходивших тогда событий. Еще А. А. Шахматов отмечал, что «[п]редложение Мстислава не вяжется ни с предыдущими, ни с последующими событиями», объясняя это тем, что оно представляет собой вставку в древнейший летописный текст составителем

«Свода Никона» 1070-х гг.⁶ Высказывалось также предположение о принадлежности всего рассказа «Своду Никона»⁷, и предлагались гипотезы о различных контаминациях и вставках в рассказе о борьбе Ярослава с Мстиславом⁸. Однако даже предположения текстологического характера — разной степени вероятности — все равно не снимают имеющихся противоречий и неясностей. Так, если, согласно гипотезе А. А. Шахматова о вставном характере фразы «пославъ Мъстиславъ по Ярославъ», глаголя: “Сяди в свое мѣсто Кыевъ, ты еси старѣши братъ, а мнѣ буди си сторона”», никакого мира между Ярославом и Мстиславом в 1024—1026 гг. не было, то почему сам Ярослав «не смел» отправиться в Киев, но его мужи смели?⁹

⁶ Итак, в своем нынешнем виде повествование летописи выглядит противоречивым, даже при внесении в него предложенных исследователями поправок. Поэтому более логичными кажутся попытки увидеть здесь не ошибки и наслаждения летописных сводов, а некое сознательное искажение фактов. Удивляться его появлению не приходится: достаточно убедительно показано, что летописная версия предыдущего этапа борьбы за власть между сыновьями Владимира (убийство Бориса и Глеба, войны между Святополком и Ярославом) может содержать фигуры умолчания и искажения, связанные с интересами Ярослава и его потомков¹⁰. В нашем случае текстологические гипотезы А. А. Шахматова интерпретировались как доказательство недостоверности «миролюбивой» речи Мстислава, вписанной «покорным Ярославу летописцем» с целью «утвердить его преимущественные семейные права на киевский стол»¹¹. Выдвигалось даже предположение, что Мстислав на самом деле был старшим братом Ярослава, и именно на этом основывались его (законные) претензии на Киев¹². Действительно, в одном из двух летописных списков сыновей Владимира фигурируют два Мстислава, причем один из них назван, как и Ярослав, сыном от Рогнеды и упомянут раньше того — его можно было бы считать старшим, если бы не то обстоятельство, что во втором списке Мстислав идет после Ярослава, как и «второй» Мстислав в первом списке (названный сыном от «чехини»). Если «первый» Мстислав вообще существовал, то, скорее всего, ко времени рождения «второго» его уже не было в живых¹³. Согласно другой интерпретации, Ярослав, несмотря на поддержку со стороны киевлян, опасался «быть блокированным в городе войсками Мстислава и поэтому ушел из Киева, оставив там своих дружинников». Однако сам же ее автор удивляется, что Мстислав не воспользовался этой ситуацией и почему-то ушел в Чернигов, «словно утратив интерес к киевскому столу»¹⁴. Между тем, решение этой проблемы, как кажется, достаточно легко отыщется, если обратиться к нелетописным источникам.

⁷ В древнескандинавской «Пряди об Эймунде» (*Eymundar þátrr*), как известно, имеется параллельный русской летописи рассказ о междуусобице сыновей Владимира. Обычно в фокусе интереса исследователей оказывается борьба между «Ярицлейвом» и «Буриславом», но стоит обратить внимание и на описание в ней противостояния «Ярицлейва» с другим братом — «Вартилавом»¹⁵. Традиционно этот персонаж отождествляется с полоцким князем Брячиславом Изяславичем из-за сходства имен, а также потому, что, согласно пряди, «Вартилав» княжит изначально в «Палтескье», то есть в Полоцке. Однако другие элементы образа Вартилава не могут иметь отношения к летописному Брячиславу (даже

если игнорировать тот факт, что он был не братом, а племянником Ярослава), который в 1021 г. напал на Новгород и разграбил его, но на обратном пути потерпел поражение от Ярослава и вынужден был отказаться от добычи и бежать в Полоцк (согласно первой выборке Новгородской Карамзинской летописи, он получил, правда, два города: Усвят и Витебск¹⁶).

8 Между тем, в пряди «Вартилав» заключает мир с «Ярицлейвом», результатом чего становится раздел Руси, в ходе которого «Ярицлейв» получил Хольмгард (Новгород), а «Вартилав» — Кэнугард (Киев). «Вартилав» пряди прожил «не более трех зим», заболел и умер, и тогда оба княжества объединил под своей властью «Ярицлейв». Думается, можно согласиться с Р. Куком в том, что в образе «Вартилава» контаминированы два князя: Брячислав Полоцкий (у которого заимствованы имя и место княжения) и Мстислав Тмутараканский (на чьей истории основана главная фабула второй части саги)¹⁷. В этих фрагментах пряди немало легендарных вкраплений¹⁸, но очевидно, что рассказ о «Вартилаве» имеет ясные параллели с летописным повествованием о противостоянии Ярослава и Мстислава, завершившимся разделом Русской земли. Даже характеристика Мстислава в летописи и «Вартилава» в пряди очень близки: по ПВЛ, Мстислав был «храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику»¹⁹, а, согласно пряди, «Вартилав» «был конунг, которого любили как нельзя больше», или «самый популярный конунг» (*uar hinn uinsælazsti konungr*)²⁰. Если «Вартилав» в данном случае — это Мстислав Владимирович, то оказывается, что он все-таки княжил в Кэнугарде-Киеве после «Ярицлейва» три года или чуть менее, что совпадает с сообщением летописи об оставлении Ярославом Киева в 1024—1026 гг. Потом в пряди «Вартилав» умирает, но этому обстоятельству не стоит придавать слишком большого значения: у составителя ее основы могло просто не быть больше информации о том, что происходило на Руси после окончания киевского княжения брата «Ярицлейва»-Ярослава²¹. Хотя в «Пряди об Эймунде» и статьях ПВЛ 1024 и 1026 гг. формально описаны разные конфликты между братьями (до ухода «Ярицлейва»-Ярослава из Киева — в первой, и после него — в последних), однако ключевые элементы конфликта «Ярицлейва» и «Вартилава» в пряди и Ярослава и Мстислава в летописи тождественны — это переговоры, раздел земель и заключение мира. Если же реконструировать по пряди весь конфликт между братьями, то получится, что «Ярицлейв»-Ярослав вначале потребовал у «Вартилава»-Мстислава пограничные земли, но затем испугался прихода его войск, в плen к которым попала Ингигерда, и согласился уйти в Хольмгард-Новгород, оставив тому Кэнугард-Киев, где тот правил еще около трех лет, — ничего невозможного в такой картине нет. По сути, скандинавский и древнерусский источники представляют нам два взгляда на один конфликт, где инициатором всех изменений во взаимоотношениях между братьями в пряди представляется «Ярицлейв», тогда как в летописи — Мстислав, хотя миролюбие в обеих версиях проявляет именно последний.

9 Есть и другое, впрочем, менее надежное письменное свидетельство данного конфликта. Рассказ польской латиноязычной хроники Яна Длугоша (XV в.)²² в основных чертах соответствует ПВЛ. Уже в самом названии главы сказано о захвате Мстиславом киевского стола у Ярослава: «Тмутараканский князь Мстислав дважды побеждает в войне брата — киевского князя Ярослава и

занимает его киевский стол...». Далее передаются слова Мстислава о том, что Ярослав более достоин «сидеть на киевском столе», поскольку он «старше по рождению», и ему полагается «больше уважения»; говорится о том, что после добровольного отказа Мстислава от Киева Ярослав «вернулся на киевский стол, которым, однако, не осмеливался управлять сам, управляя через посадников (reg prefectos)»²³. Детали рассказа указывают на то, что источником этого фрагмента была летопись типа Ипатьевской, — такой источник действительно имелся в распоряжении Длугоша²⁴. В то же время у Длугоша прямо говорится, что Мстислав занял киевский стол и добыл его, а киевляне подчинились его власти. Только став «милостивее и умереннее» после победы и почувствовав «неприязнь к добытому киевскому столу», он вернул в Киев побежденного брата²⁵. Трудно, однако, сказать, опирался ли в данном случае польский хронист на недошедший до нас источник или делал собственные выводы, не удовольствовавшись не вполне логичным рассказом русской летописи.

¹⁰ Сведения «Пряди об Эймунде» и тем более Длугоша часто считаются легендарными. Однако есть и независимые, причем современные событиям, не-нарративные данные, подтверждающие некое первенство Мстислава Владимиоровича среди русских князей-Рюриковичей и возможность его княжения в Киеве. Пожалуй, именно эти данные и имеют решающее значение.

¹¹ В 1947 г. Д. И. Блифельд во время раскопок в с. Белгородка (древнерусский Белгород под Киевом) вне культурного слоя обнаружил печать, где на аверсе было поясное изображение святого с подписью, а на реверсе — греческая надпись Μεσ(τ)ι(σ)θλάβος μέγας ἄρχων Ρωσί[α]ς («Мстислав, великий архонт России»)²⁶. Первооткрыватель отождествил святого на печати как Константина Великого, а владельца печати — как Мстислава Тмутараканского²⁷. С ним сразу же не согласился Б. А. Рыбаков, идентифицировавший их соответственно как Иоанна Предтечу и Мстислава, сына Изяслава Мстиславича и внука Мстислава Великого²⁸. Наконец, позднее В. Л. Янин счел их соответственно апостолом Андреем и Мстиславом, «Игоревым внуком», которого он идентифицировал также с Мстиславом-Андреем из «Хожения» игумена Даниила²⁹. Дополнительным аргументом для В. Л. Янина послужило предполагаемое христианское имя Мстислава Владимиоровича — Константин, известное по поздним синодикам³⁰, впрочем, далеко не всегда достоверным.

¹² Второй, плохо сохранившийся экземпляр этой печати был найден снова в Киевской земле (неизвестно, где точнее) и опубликован в 2012 г., а третий, лучшей сохранности, обнаружен опять же, как сообщается, под Киевом, в Борисполе, и недавно издан³¹. Хотя обе эти печати лишены археологического контекста, они, несомненно, оттиснуты той же парой матриц, что и белгородская находка, а элементы, сохранившиеся только на бориспольском экземпляре, ничем не указывают на подделку³². Эта находка позволяет, видимо, разрешить споры исследователей относительно личности святого и, соответственно, христианского имени Мстислава, которое в данном случае подтвердило версию поздних синодиков: на последнем экземпляре хорошо видна фигура святого царя в императорских одеждах (правда, не видно диадемы, однако верх головы поврежден) и надпись [К]ΩΝΣΤΑΝ(ТИНОΣ) — рис. 1). Определение славянского имени князя на печати также не вызывает сомнения: в написании имени

Μεστισθλάβος тау могло быть и надстрочным (видны следы некой буквы), и пропущено резчиком по ошибке, как и вторая сигма (ср. формы Νεστισθλάβος и Νεστιλάβος в списках Скилицы³³). Напротив, типичны и передача еря через эпсилон, и написание имени на -славъ как -σθλάβος. Таким образом, данные печати принадлежали князю с родовым именем Мстислав и христианским Константин. Намного сложнее определить, к кому же из многочисленных русских князей с именем Мстислав они относятся.

¹³ Из числа кандидатов в их владельцы сразу выбывают три Мстислава: сыновья Владимира Мономаха и Давыда Ростиславича, носившие христианское имя Феодор, и сын Романа Ростиславича, в крещении Борис³⁴. Титул же «великого архонта России» должен был носить какой-то весьма значительный правитель, ведь даже киевские князья именовали себя на своих печатях просто «архонтами» (см. ниже). По этой причине из рассмотрения исключаются еще ряд Мстиславов: «Игорев внук» (князь смоленский?), сыновья Святополка Изяславича (волынский), Давыда Ростиславича (новгородский и вышгородский), Изяслава Ярославича (новгородский и полоцкий), Юрия Владимировича (новгородский), Ростислава Юрьевича (новгородский), Святослава Всеволодовича (черниговский и козельский), Ростислава Мстиславича (новгородский) и его сын (новгородский и галицкий)³⁵. Итак, у нас остаются два претендента-князя с именем Мстислав: сын Владимира Святославича, пытавшийся занять Киев и победивший киевского князя Ярослава в 1024 г. (ему, напомним, атрибуировал данную печать Д. И. Блифельд), и сын Изяслава Мстиславича, киевский князь в 1167—1169 гг. и 1170 г. (ему ее приписывал Б. А. Рыбаков).

¹⁴ Чтобы разрешить вопрос выбора между ними, следует обратиться к византийскому контексту употребления титула «великий архонт», на который не обращали внимания предшествующие исследователи. Поиск по базе данных “Thesaurus linguae graecae”³⁶ показывает, что это выражение не имело терминологического значения до начала XIV в. Не позднее VI в.³⁷ им стали обозначать любых крупных чиновников или (во)начальников. Именно в таком смысле его употребляют Константин Багрянородный³⁸ — в применении к конкретному подразделению, например, тагмам, фемам или флоту — и Никон Черногорец³⁹. Как титул μέγας ἄρχων фиксируется только у Псевдо-Кодина в XIV в.⁴⁰, а первый его носитель известен лишь с 1303 г.⁴¹

¹⁵ Однако следует отметить специальное применение выражения μέγας ἄρχων Константином Багрянородным к иноземным правителям в трактате «Об управлении империей». В гл. 37 Константин называет так правителей восьми основных частей Пацинакии, делящихся на 40 меньших частей, правителей которых он обозначает как ἐλάττονας («меньших») ἄρχοντας. В гл. 40 у каждого из 8 племен / родов венгров есть свой архонт, но «первым главою они имеют архонта из рода Арпада», который ниже назван μέγας Τουρκίας ἄρχων. Но особенно показательна гл. 41, согласно которой, Святополк-Свентоплук, правитель Моравии (ὁ Μοραβίας ἄρχων), разделил свою державу на три части между сыновьями, оставив первого как ἄρχοντα μέγαν. Таким образом, для Моравии, печенегов и Венгрии Константин проводит различие между рядовыми правителями и «великими архонтами», который в первой и последней был один (при всего трех и восьми архонтах, соответственно), а у вторых — восемь (при сорока вообще).

Отметим, что во всех этих случаях обозначение μέγας ἄρχων употребляется тогда, когда есть необходимость противопоставить младшим правителям старшего, даже если «великого архонта» там прежде и не было (как в случае со старшим сыном Святополка Моравского).

¹⁶ Такая модель вполне могла быть применена и к Руси с ее разделением между князьями-Рюриковичами, старший из которых занимал киевский стол. Однако на своих греческих печатях киевский князь обычно называл себя просто архонтом, как максимум, с уточнением πάσης Ρωσίας («всей России») — у Всеволода Ярославича, после конца «триумвирата Ярославичей» и междуусобной войны) или эпитетом εὐγενέστατος («благороднейший», у Владимира Мономаха, с намеком на его знатное византийское происхождение)⁴². Титул же «великого архонта» на печати должен был, следовательно, означать нечто более существенное, чем даже княжение в Киеве. Поэтому он плохо представим для Мстислава Изяславича, который был приглашен в 1169 г. в Киев своим дядей и кузенами исключительно на условии уступки им частей самой Киевской земли⁴³.

¹⁷ Напротив, его вполне мог использовать как экстраординарный титул Мстислав Владимирович после своей победы над Ярославом в 1024 г., когда он стал фактическим хозяином Южной Руси. В пользу этого говорят и грекоязычные печати его соперника — Ярослава. На двух он назван просто «архонтом»: Κ(ύρι)ε, βο(ήθει) τῷ σῷ δού(λῳ) Γεοργ(ίῳ) ἄρχ(οντί) («Господи, помоги Твоему рабу Георгию архонту») и Κ(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) Γεοργ(ί)o ἄρχ(οντί) Ρουσ(ί)ας⁴⁴ τ(ῷ) Ἱερ(ο)σλάβ(ω) («Господи, помоги Георгию, архонту Русии, Ярославу»). Однако на другой печати Ярослава, которую по большой бороде (в отличие от короткой бородки на печати с русской легендой) относят ко времени его киевского княжения, он именуется уже «великим архонтом»: Ἱεροσθλάβος μ(έγας) ἄρχων Ρωσία(ς) («Ярослав, великий архонт России»)⁴⁵. Свой титул с простого «архонта» до «великого архонта» Ярослав смог повысить, конечно, и по соглашению 1026 г., и после смерти брата в 1036 г., и даже еще после занятия Киева в 1019 г., однако именование Мстислава также «великим архонтом» неоспоримо говорит об этом титуле, как о знаке первенства среди русских князей, которое во всех известных нам случаях X—XI вв. выражалось во владении Киевом.

¹⁸ В пользу принадлежности разбираемых печатей Мстиславу конца X в. — середины XI в., то есть Мстиславу Владимировичу, говорит и тот факт, что после Ярослава титул μέγας ἄρχων больше не фигурирует на печатях русских князей, заменившись повсеместно на «великого князя», который упомянут в летописи впервые в связи со смертью Ярослава⁴⁶ и распространился со Всеволода Ярославича. Наконец, печати русских князей с легендой в виде имени и титула в номинативе характерны только для времени до середины XI в., тогда как позднее их вытесняют печати с формулой «Господи, помоги такому-то».

¹⁹ Сам титул μέγας ἄρχων мог быть подсказан Мстиславу практикой византийцев, с которыми он контактировал еще в Тмутаракани. Ведь общепризнанно, что титул «великий князь русьский», примененный к Олегу, Игорю и Святославу в русско-византийских договорах 911 г., 944 г. и 971 г., должен был звучать в оригинале как μέγας ἄρχων τῶν Ρῶν (или Ρωσίας), будучи противопоставлен прочим русским ἄρχοντες («князья» в договоре 911 г., «княжья»

в 944 г.)⁴⁷. У Константина Багрянородного в гл. 9 трактата «Об управлении империей» упомянуты отправляющиеся в полюдье «архонты росов», а в описании приема Ольги в 946 г. («О церемониях» II, 15) — «посланцы архонтов Росии», что предполагает наличие на Руси нескольких архонтов-князей и, вероятно, «великого архонта» (известного по договору 944 г.). Впрочем, в дипломатической переписке Константин обращался просто к «архонту Росии» (то есть киевскому князю), как и к «архонту Моравии» (где количество архонтов в это время неизвестно), но к «архонтам» венгров («турок») и пацинаков-печенегов («О церемониях» II, 48). По-видимому, для Руси византийцы выделяли «великого архонта» только тогда, когда взаимодействовали с несколькими «архонтами Росии», но его власть, в отличие от венгров и печенегов, была достаточно сильна внутри Руси, чтобы дипломатическая переписка велась только с ним.

²⁰ Возвращение же Мстислава и Ярослава к титулу «великий архонт», отсутствующему при Владимире⁴⁸, могло быть плодом их междуусобной войны, не получившим, впрочем, дальнейшего продолжения (вероятно, из-за образования «триумвирата Ярославичей», где Киев был как бы общей столицей). Итак, с большой долей вероятности Мстислав Владимирович носил с 1024 г. по 1026 г. (или 1036 г.) титул μέγας ἄρχοντ, а также был крещен в честь Константина Великого с именем Константин, широко распространенным среди византийской элиты в X—XI вв., но закрепляющимся у Рюриковичей только с XII в.⁴⁹ (возможно, как раз из-за пресечения линии Мстислава⁵⁰). В этой связи интересно отметить, что именно с Константином Великим чаще всего сравнивается отец Мстислава Владимир Святославич: в «Слове о законе и благодати» Илариона, в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха и начальном летописании⁵¹. Вполне вероятно, что за наречением Мстислава, родившегося как раз незадолго до крещения Владимира — между 985 г. и 988 г.⁵², в честь Константина Великого стояла политическая, «имперская» программа его отца, которую сам Мстислав, возможно, пытался реализовать и в Тмутаракани, и в Киеве, и в Чернигове.

²¹ Так или иначе, хотя обозначения типа «великий архонт / князь Руси» не представляли собой официального титула⁵³, если предпочитать самые простые и экономные интерпретации, то Мстислав вполне мог быть назван — особенно с учетом его византийских контактов — «великим архонтом/князем», и естественнее всего было бы ожидать такого самоопределения именно от киевского князя⁵⁴. А между тем Белгород, где была найдена первая печать этого типа, — город (и епископский центр) в Киевской земле, находившемся под непосредственной властью киевского князя⁵⁵. Разумеется, и тут можно предполагать различные варианты и случайности, но опять же проще всего считать, что печать сопровождала документ, изданный местным правителем. Неподалеку находятся и те местности, где, судя по имеющимся сведениям, были обнаружены новые экземпляры печати (современный Борисполь находится на левом берегу Днепра, но владения киевских князей в более позднее время были и на левобережье, причем именно на территории современного Бориспольского района Киевской области⁵⁶).

²² Изложенное выше позволяет сделать и другие, может быть, в чем-то неожиданные, но естественным образом вытекающие из имеющихся данных выводы. Судя по источникам, независимым от русской летописной традиции,

ориентировавшейся на Ярослава Мудрого и его потомков, Мстислав Владимирович — напрямую или через своих посадников⁵⁷ — княжил в Киеве. По летописной хронологии, это имело место в 1024—1026 гг. — именно этим временем, скорее всего, и датируется его печать с титулом «великого архонта России», что не исключает возможности обмена посольствами с предложением заключить мир, пусть и ценой территориальных и статусных уступок, предполагавших, однако, в любом случае легитимацию положения и аннексий Мстислава в Южной Руси. В 1026 г. Мстислав заключает договор с Ярославом и действительно на этот раз отказывается от киевского стола (согласно «Пряди об Эймунде», как уже говорилось, умирает, но, на самом деле, скорее пропадает со скандинавского горизонта, что впоследствии было контаминировано с его реальной смертью, случившейся десятком лет позднее). Главной причиной этого была, как можно предполагать, позиция киевлян⁵⁸, самостоятельная политическая активность которых проявилась еще во время борьбы Ярослава со Святополком⁵⁹. О том, что они поддерживали Ярослава, есть не только прямое свидетельство в летописи: «...не прияша его Кыяне»⁶⁰, но и — косвенное — в «Пряди об Эймунде», где говорится о том, что на примирение между братьями (подразумевавшее уход «Вартилава»-Мстислава из Кэнугарда-Киева) «согласился весь народ в стране и подтвердил его» (*samfykt ok stafest af ollum landzlyd*)⁶¹. Причиной отказа Мстислава от Киева в 1026 г. был, вероятно, и приход нового войска Ярослава — примирительная речь Мстислава, помещенная в летописи сразу после Лиственской битвы, кажется уместней скорее в данном контексте.

²³ Тенденция русской летописи определялась, вероятно, стремлением смягчить конфликтный характер отношений между двумя положительными героями повествования после внезапного появления Мстислава в Южной Руси. В отличие от «Пряди об Эймунде» (содержащей, как оказывается, собственный взгляд на данный конфликт), летопись выставляет инициатором переговоров не Ярослава, а его брата, который должен легитимировать династические права Ярослава (и его потомков) на киевский стол. В результате в летописи возникли логические нестыковки и фигуры умолчания, связанные не столько с позднейшим редактированием, сколько с изначальной противоречивой риторической стратегией составителя летописного рассказа.

Примечания:

1. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их презентация в источниках и историографии. СПб., 2015. С. 70—77.
2. ПСРЛ. Т. I. Стб. 149; Т. II. Стб. 136, текст — по Лаврентьевской летописи, в квадратных скобках — варианты по родственным ей и / или Ипатьевской, соответствующие местам, выделенным курсивом.
3. ПСРЛ. Т. I. Стб. 149; Т. II. Стб. 137.
4. ПСРЛ. Т. I. Стб. 150; Т. II. Стб. 138. Датировку Лаврентьевской летописи подтверждает Иоанн Скилица, который помещает известие о смерти Мстислава именно под 1036 г. (*Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / ed. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. P. 399 (Corpus fontium historiae byzantinae; 5)*); ср. также ниже.
5. ПСРЛ I. Стб. 150; Т. II. Стб. 137.
6. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. § 233. С. 425—426.
7. Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 244.

8. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015. С. 70—72.
9. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. § 233. С. 580—581.
10. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усobiца 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 (Славяно-германские исследования; 4).
11. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 119; см. также: Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015. С. 71.
12. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 117—122.
13. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усobiца 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 (Славяно-германские исследования; 4). С. 73; Горский А. А. Мстислав (Константин) Владимирович // Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 569—571.
14. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015. С. 72—73.
15. Flateyarbók. En samling af norske konig-sagaer. Christiania, 1862. В. II. Cap. 104—106, 130—134; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 303—306, 316—319 (рус. пер.).
16. ПСРЛ. Т. I. Стб. 146; Т. XLII. С. 62.
17. Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar Pátrr Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65—90.
18. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усobiца 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 (Славяно-германские исследования; 4). С. 159—174.
19. ПСРЛ. Т. I. Стб. 150.
20. Flateyarbók. En samling af norske konig-sagaer. Christiania, 1862. В. II. Cap. 105. S. 133; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 306, 309.
21. Лященко А. И. “Eymundar Saga” и русские летописи // Известия АН СССР. 1926. VI сер. Т. XX. № 12. С. 1085—1086; Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усobiца 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 (Славяно-германские исследования; 4). С. 167—168. Ср. помещение у византийского историка Скилицы под одним годом смертей Мстислава и Ярослава, которые в реальности разделяло 18 лет: Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / ed. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. P. 399.
22. Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae / ed. I. Dąbrowski. Varsaviae, 1964. Lib. II. P. 273—274; Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 98, 246 (рус. пер.).
23. Msczislaus dux de Thimuthrokany bis Iaroslaum fratrem ducem Kioviensem bello superat et sedem eius Kyoviensem occupat... “Repete” inquit “frater, quoniam natu maior es et tibi ex frequenciori respectu debetur, sedem Kyoviensem et ea pro tuo libito quiete utere, quam iure belli quesitam victor victo equo animo restituo” ... quam tamen per se administrare non ausus per prefectos administravit (Ioannis Dlugossii Annales... Lib. II. S. 274; Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 98, 246).
24. Клосс Б. М. Русские источники I—VI книг Анналов Длугоша // Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 34—52.
25. Qui post victoriam clemencior atque modestior sedem Kyoviensem, quam quesierat, fastidere cepit (Ioannis Dlugossii Annales... Lib. II. S. 273—274; Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 98, 246).
26. Бліфельд Д. І. Висла печатка з Білогородки // Археологія. 1950. Т. 3. С. 102—110.
27. Мстиславу Тмутараканскому приписывались и другие печати. Поскольку в Любецком синодике Мстислав назван Константином, Н. П. Лихачев отнес у нему печать с изображением святого императора и греческой надписью («Господи, помоги рабу Твоему Константину») (Лихачев Н. П. Избранные труды. Т. I. М., 2014. С. 156—158), которую В. Л. Янин реатрибуировал Игорю Ярославичу (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X в. — начала XIII в. М., 1970. С. 32—33), однако без достаточных оснований. Недавно опубликованная печать с надписью МІСТІСЛАВ КОГАН РОСКІ АМІНЬ (Жуков И. А. Ранняя вислая печать Черниговского князя Мстислава Владимира — когана русского (1023—1036 гг.) // I Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.». СПб., 2014. С. 1—11) представляет собой грубую подделку (см.: Чхайдзе В. Н. О фальсификации византийских и древнерусских печатей: страторы Херхона, коган Роскі и прочие безграмотные фантазии XXI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 286—287).

28. Рибаков Б. О. Печатки чернігівських князів // Археологія. 1950. Т. 3. С. 111—118.
29. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X в. — начала XIII в. М., 1970. С. 20—23. См. также: Плахонін А. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни. 2001. № 6. С. 144; Lukin P. V. Narration on the Varangian Martyrs in the Primary Chronicle and in the Synaxarion (Prologue) // Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History. Ars christiana. In memoriam Michail F. Murianov. 2011—2012. Vol. VII—VIII. T. VII. P. 278—279.
30. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 28; Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво—Печерської лаври. Київ, 2007. (Лаврський альманах. Збірник наукових праць; 18 [спецвип. 7]). С. 17.
31. Жуков И. А. О новых находках вислых печатей князя Мстислава (Константина) Владимировича // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. 2019. Т. 6. С. 51—57.
32. Напротив, следовало бы ожидать, что на подделке с хорошо читаемым изображением и именем св. Константина будет ясно видное изображение его венца (см. ниже).
33. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 167.
34. См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 581—583, 585. Хотя у нас нет полной уверенности, что изображение святого на печатях русских князей всегда представляет того, в честь кого он получил христианское имя, однако, например, для Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, это подтверждается и другими источниками.
35. См.: Там же. С. 580—588.
36. Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 12.10.2023).
37. Юстиниан. Новеллы 7; Иоанн Малала. Хронография 13, 10.
38. О церемониях II, 3, 19, 20.
39. Типикон 15, 16; 38, 24.
40. Pseudo-Kodinos. Traité des offices / ed. J. Verpeaux (Le Monde Byzantin; 1). Р., 1966. Р. 138, 161, 182.
41. PLP 92644.
42. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X в. — начала XIII в. М., 1970. С. 168—170. № 15—22, 25.
43. ПСРЛ. Т. II. Стб. 533—534.
44. Нестандартная форма Ῥουσία встречается также на печати Феофано Музалонисы: Κ(ύρι)ε, β(οή)θει τῇ σῇ δούλῃ Θεοθανοῦ ἄρχοντήσῃ Ῥουσίας τῇ Μουζαλωνήσῃ (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X в. — начала XIII в. М., 1970. С. 171—172. № 30).
45. Жуков И. А. О новых находках вислых печатей князя Ярослава (Георгия) Владимировича Мудрого 1019—1054 гг. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.». СПб., 2015. С. 275—277, 279—280.
46. В договорах с Византией он переводной, см. ниже. Интересно, что в Софийской I летописи Мстислав также назван «великим князем» (ПСРЛ. Т. VI. Вып.1. С. 176).
47. Назаренко А. В. Князь и дружины по договорам с греками // Русь в IX—XII вв.: общество, государство, культура / ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда, 2014. С. 14—24.
48. Ср. наименование Владимира Святославича просто «архонтом Росии» (Минева Е. Был ли Ярославом Мудрым νῖὸς τῷ ἄρχοντι Ῥωσίᾳ в Византийском пространном житии св. Параскевы Эпиватской (BHG3 1420 z)? // Byzantinoslavica. 2016. Т. 74. Р. 175—189).
49. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 568—572.
50. Отметим также необычное для русских князей этого времени упоминание его сына только под христианским именем — Евстафий (см.: Там же. С. 543—544).
51. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 96; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 422, 423; ПСРЛ. Т. I. Стб. 130—131; ПСРЛ. Т. III. С. 169.
52. Горский А. А. Мстислав (Константин) Владимирович // Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 571.

53. Poppe A. Words that serve the authority: on the title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ (with Addendum. P. 185a—191a) // Poppe A. Christian Russia in the Making. Aldershot, 2007 (Variorum collected studies series; 867). IX.
54. Dimnik M. The Title “Grand Prince” in Kievan Rus’ // Mediaeval Studies. 2004. Vol. 66. P. 253—312.
55. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 27—30.
56. Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 8—11.
57. Поэтому, если какую-то конъектуру и предлагать гипотетически для летописного текста, то все проблемы решала бы следующая замена всего лишь трех букв: «и бъяху [съдяще в] Кыевъ мужи Мъстиславли».
58. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015. С. 72.
59. Лукин П. В. Киевляне XI в. в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 98—99.
60. ПСРЛ. Т. I. Стб. 147.
61. Flateyarbók. En samling af norske konig-sagaer. Christiania, 1862. В. II. Cap. 105. S. 133; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 306, 309.

Библиография:

1. Бліфельд Д. І. Висла печатка з Білогородки // Археологія. 1950. Т. 3. С. 102—110.
2. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X в. — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015.
3. Горский А. А. Мстислав (Константин) Владимирович // Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 569—571.
4. Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
5. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012.
6. Жуков И. А. О новых находках вислых печатей князя Мстислава (Константина) Владимиевича // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. 2019. Т. 6. С. 51—57.
7. Жуков И. А. О новых находках вислых печатей князя Ярослава (Георгия) Владимиевича Мудрого 1019—1054 гг. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.». СПб., 2015. С. 275—280.
8. Жуков И. А. Ранняя вислая печать Черниговского князя Мстислава Владимиевича — когана русского (1023—1036 гг.) // I Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.». СПб., 2014. С. 1—11.
9. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

10. Клосс Б. М. Русские источники I—VI книг Анналов Длугоша // Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 34—52.
11. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.
12. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
13. Лихачев Н. П. Избранные труды. Т. 1. М., 2014.
14. Лукин П. В. Киевляне XI в. в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14).
15. Лященко А. И. “Eymundar Saga” и русские летописи // Известия АН СССР. 1926. VI сер. Т. XX. № 12. С. 1061—1086.
16. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
17. Минева Е. Был ли Ярославом Мудрым *υἱὸς τῷ ἄρχοντι Ρωσίας* в Византийском пространном житии св. Параскевы Эпиватской (BHG3 1420 z)? // Byzantinoslavica. 2016. 74. Р. 175—189.
18. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 (Славяно-германские исследования; 4).
19. Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
20. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
21. Назаренко А. В. Князь и дружины по договорам с греками // Русь в IX—XII вв.: общество, государство, культура / ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда, 2014. С. 14—24.
22. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993.
23. Плахонін А. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни. 2001. № 6. С. 136—151.
24. Поменник Введенської церкви в Більших печерах Києво-Печерської лаври. Київ, 2007. (Лаврський альманах. Збірник наукових праць; 18 [спецвип. 7]).
25. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
26. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

27. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
28. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
29. ПСРЛ. Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
30. Рибаков Б. О. Печатки чернігівських князів // Археологія. 1950. Т. 3. С. 111—118.
31. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 5—56.
32. Чхайдзе В. Н. О фальсификации византийских и древнерусских печатей: страторы Херхона, коган Роскі и прочие безграмотные фантазии XXI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 282—290.
33. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
34. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша: Текст, перевод, комментарий. М., 2004.
35. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970.
36. Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar Þátrr Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65—90.
37. Dimnik M. The Title “Grand Prince” in Kievan Rus’ // Mediaeval Studies. 2004. Vol. 66. P. 253—312.
38. Flateyarbók. En samling af norske konig-sagaer. Christiania, 1862. B. II.
39. Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae / ed. I. Dąbrowski. Varsaviae, 1964. Lib. II.
40. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / ed. I. Thurn. B. ; N. Y., 1973. (Corpus fontium historiae byzantinae; 5).
41. Lukin P. V. Narration on the Varangian Martyrs in the Primary Chronicle and in the Synaxarion (Prologue) // Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History. Ars christiana. In memoriam Michail F. Murianov. 2011—2012. Vol. VII—VIII. T. VII. P. 259—306.
42. Poppe A. Words that serve the authority: on the title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ (with Addendum. P. 185a—191a) // Poppe A. Christian Russia in the Making. Aldershot, 2007 (Variorum collected studies series; no. 867). IX.

43. Pseudo-Kodinos. *Traité des offices* / ed. J. Verpeaux. P., 1966 (Le Monde Byzantin; 1).

“In Kiev, There Were Sitting the Men”: a New Reconstruction of the Dynastic Conflict between Yaroslav and Mstislav, Sons of Vladimir Svyatoslavich

Pavel Lukin

RANEPA University

Russian Federation, Moscow

Andrey Vinogradov

Institute for Oriental studies RAS

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article analyses the last episode of the internecine war between the sons of the Kiev prince Vladimir Svyatoslavich — the confrontation in 1024—1026 between Yaroslav (“the Wise”) and Mstislav. It has repeatedly become the object of attention of researchers, but many questions still remain controversial and unclear. The main problem is uncleanness of the story about these events in the main source — “The Tale of Bygone Years”. According to it, despite the fact that after the victory in the Battle of Listven in 1024 Mstislav allegedly ceded Kiev to Yaroslav, the latter did not dare to come there and ruled Kiev through members of his retinue. On the basis of various sources (a Scandinavian saga, the Annals by the Polish chronicler Jan Dlugosz written in Latin, Old Rus princely seals) the authors come to the following conclusions. The Kiev prince in 1024—1026 was most likely Mstislav Vladimirovich, not Yaroslav. In favour of this is speaks, in particular, the Mstislav’s adoption of title μέγας ἄρχων Ρωσίας, which was later adopted by Yaroslav, but then stopped to be used. The tendency of the Russian chronicle was probably determined by a desire to soften the conflict character of the relations between the two positive heroes of the narrative after the sudden appearance of Mstislav in Southern Rus. As a result, logical inconsistencies and silence about some important events in the “The Tale of Bygone Years”, were connected not so much with its later editing as with the original contradictory rhetorical strategy of the autor of the annalistic narrative. In addition, new finds of Mstislav’s seals confirm that his saint patron was Constantine the Great.

Keywords: Old Rus, Yaroslav the Wise, Mstislav Vladimirovich, princely seals, The Tale of Bygone Years

Publication date: 15.07.2024

Citation link:

Lukin P., Vinogradov A. “In Kiev, There Were Sitting the Men”: a New Reconstruction of the Dynastic Conflict between Yaroslav and Mstislav, Sons of Vladimir Svyatoslavich // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 5 (139).

